



О ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОСУДАРСТВА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

А. П. Смирнов

Изучение древней истории народов СССР раскрывает перед нами ряд интересных культурных центров Восточной Европы и Азии, часто не уступающих по значению в истории культуры современным государствам Западной Европы.

Одним из таких центров было государство волжских булгар, расположенное при впадении Камы в Волгу.

Оно занимало значительную территорию, имея северную границу по правому берегу Камы, западную—между Сурой и Волгой и простираясь на юг до Самарской Луки.

История этого государства сравнительно хорошо изучена, начиная с X в., когда появляется ряд заметок арабских путешественников, первое место среди которых принадлежит Ибн-Фадлану, участнику посольства халифа Муктадира к булгарскому царю Альмасу в 922 г. О времени более позднем немало сведений сообщают русские летописи. По всем этим данным царство Булгар встает перед нами как крупное феодальное государство, с развитой торговой и ремесленной деятельностью.

Хуже обстоит дело с более ранними периодами его истории, когда это государство формировалось. Об этой темной эпохе мы знаем лишь из немногих отрывочных сведений армянских и византийских писателей да из археологических материалов.

Наиболее древним упоминанием имени булгар является приводимое Моисеем Хоренским, автором VIII в. н. э., свидетельство сирийца Мар-Абас-Катину, жившего, как установлено, в III в. н. э., о том, что около 149—127 гг. до н. э. булгары устремились в Армению, первоначально же обитали к северу от Кавказских гор¹.

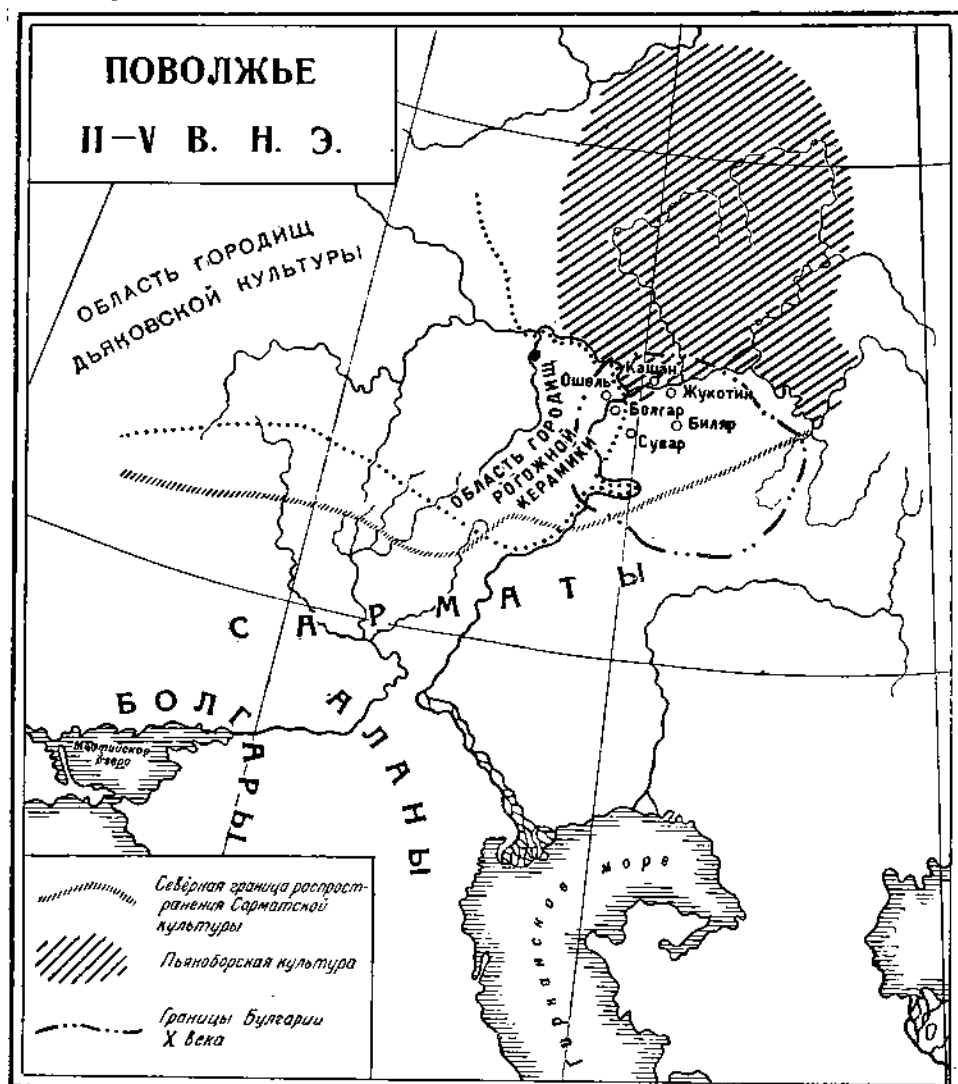
Значительно больше сведений сообщают о булгарах византийские историки, в числе которых нужно упомянуть Феофана, отметившего булгар в своей хронографии под 671 г.²

«...В это время вторгнулось во Фракию булгарское племя. Необходимо сказать и о прежней жизни оногундунов, булгаров и котрагов. В север-

¹ К. П. Патканов—Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому, ЖМНП, 1883, стр. 27.

² Theophanis Chronographia, Вонпае, MDCCCXXXIX, р. 545—547. Цитирую по статье П. Д. Шестакова—Кто были древние болгары? «Известия общества археологии при Казанском университете», Казань, 1884, т. III.

ных, по ту сторону лежащих, частях Евксинского Понта есть так называемое Мэотийское болото, в которое впадает великая река, текущая из океана по Сарматской земле, по имени Атал; в нее впадает так называемая Танаис-река, выходящая от Иберийских ворот, что в Кавказских горах.



От слияния же Танаиса и Атала (Атал отделяется выше Мэотийского болота) происходит так называемая Куфис-река и впадает у конца Понтийского моря близ Мертвых ворот у мыса, именуемого Лицом Барана. От указанного выше болота море, подобно реке, впадает в залив Евксинского Понта через Боспор и Киммерийскую область. В этой реке ловится мурзули и подобные ей рыбы. У восточной части лежащего впереди залива близ Фанагории и живущих там евреев расположены многие племена. От того же самого болота к пределам реки Куфис, где ловится булгарская рыба ксиет, расположена Великая Булгария; там же так называемые

котраги, одноплеменные с булгарами. Во времена Константина Кробат, повелитель сказанной Булгарии и котрагов, скончался, оставив пять сыновей. Он завещал им отнюдь не выходить с родины и не отделяться друг от друга, чтобы самим всегда быть повелителями и не подпасть в рабство другому народу. Немного времени спустя после его смерти эти пять его сыновей, рассорившись, разошлись, каждый с подвластным ему народом. Старший сын Батбайя, заняв восточную часть отцовских владений, остался в своей родине до сего времени. Второй брат, по имени Котраг, перешедши реку Дон, поселился напротив старшего брата. Четвертый и пятый перешли реку Истр, или Дунай, и один из них вошел в Паннонию Аварскую и, подчинившись аварскому хагану, остался там со своей силой, а другой, занявши Пентаполис у Равенны, признал власть царя христиан. Затем третий брат, по имени Аспарух, перешедши Днепр, Днестр и занявши Олгу (эти реки севернее Дуная), поселился между Дунаем и этими реками, признав это место безопасным и трудноодолимым со всех сторон, ибо спереди оно болотистое, а с других сторон окружено реками и потому представляло большую безопасность от неприятелей для народа, ослабленного отделением (от своих братьев).

После разделения их на пять частей и вследствие этого ослабления вышедшее из внутренних стран Вердзилия, что прежде Сарматия, великое племя хазар овладело всею страной до Каспийского моря, сделало своим данником старшего брата Батбайя, властителя первой Булгарии, и берет с него дань до сего дня...»

Отметил булгар в своей истории Никифор Грегора¹, считавший их одним из скифских племен. «Теперь я объясню, откуда получила имя Булгария. Есть страна, лежащая по ту сторону и севернее Истра, а река через нее протекает Волга, от нее и сами туземные жители получили название булгар, а сначала были они скифы. Оттуда с детьми и женами переселялись они сюда в то время, когда язва иконоборства напала на благочестивых. Перешли они реку Истр в громадном числе и распространились по обеим Мизиям. Подобно саранче или молнии, охватили они Македонию с лежащею по ту сторону Иллирию—понравились им здешние удобства. По распространении имени этого народа и страна прозвана Булгарией». Далее, говоря о скифах, Грегора пишет: «Названия различные дают им древние мудрецы: Гомер называет их киммерийцами, Геродот—разнородными и скифами, Плутарх—кимврами и тевтонами...»

«...так и скифы те, которые поселились ближе всех в древней скифской земле, сохраняли неизменным свое название, ибо и сами называются скифами, и земля, питающая их, зовется скифской землей; а другие скифы, после многих веков вышедши из великого первоначального источника, делятся на две части—одни, сокрушившие азиатских савроматов, дошедших до Каспийского моря, позабыли даже и имя отеческое и называются савроматами-массагетами, меланхленами; другие же, отправившиеся в Европу, изменили свои имена на имя савроматов-германцев...»

Там же, в Приазовье, помещает булгар и Моисей Хоренский. В одном из списков его географии² мы имеем следующее упоминание о булгарах: «Восемнадцатая страна, азиатская половина Сарматии, граничит восточными оконечностями с г. Рипия, рекой Танаисом, морем Мэотис, проли-

¹ Nicephori Gregorae—Byzantina historia, cura Ludovici Schopeni. Bonnæ, MDCLXXIX, p. 26—27.

² К. П. Патканов—Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883, стр. 27.

вом, соединяющим его с Понтом Евксинским; далее на восток, берегами того же моря (Понта) до впадения в него реки Каракса (Ингул); далее Кавказскими горами, прилегающими к Грузии и Албании до Камийского моря и до впадения в него реки Соянос (Сунджи). О такой реке никто не слышал. В Сарматии лежат горы Кераунские и Иппийские, которые выпускают из себя пять рек, впадающих в Мэотийское озеро. Из Кавказа текут две реки: Валданис, текущая до горы Кракс, которая начинается у Кавказа и тянется на северо-запад между Мэотисом и Понтом; другая река, Псевхрос, отделяет Босфор от тех мест, где находится городок Никокс. К северу от них (нее) живут народы турков и булгар, которые именуются по названию гор: Купи—булгар, Дуги—булкар, отхондор; Бикар—пишельцы; Чда—болкар. Эти названия чужды Птолемею. Из Гиптийских гор бежал сын Худбарда. Между булгарами и Понтийским морем живут народы гарши, куты, сваны...»

П. Д. Шестаков¹ совершенно прав, отмечая, что булгары явились автохтонами области к северу от Мэотиды и входили в комплекс племен, долгое время по литературной традиции называемых скифами; точнее же их нужно называть аланскими племенами, генетически связанными с сарматами. Той же точки зрения придерживался Иловайский². К этому взгляду склоняется и М. И. Артамонов³.

Значительно позднее, в X в., в сочинении Абуль-Хасана Али ибн-Хусейна-Аль-Масуди болгары (булгары) упоминаются иногда вблизи Черного и Азовского морей. Это последнее свидетельство относится к остаткам прежних булгарских племен. Этим и объясняется сбивчивость и кажущаяся ошибочность сообщений Аль-Масуди⁴.

Булгарские племена по занимаемой территории и по характеристике, данной им византийскими историками, должны быть отнесены к группе аланских племен, связанных с сарматами.

История I тысячелетия н. э. в Северном Причерноморье представляет картину постоянных столкновений между отдельными племенами. В хрониках византийских историков на коротком отрезке времени можно наблюдать смену названий господствующих племен. Это положение может быть объяснено только тем, что слагавшиеся союзы племен, как союзы оборонительные и наступательные, быстро возникали и распадались под влиянием военных неудач. В VI—VII вв. н. э. в Причерноморье создался могущественный союз племен, возглавляемый булгарами. Этот союз объединял, повидимому, не только аланские племена, но и ряд других. Этим можно объяснить некоторую разногласию в определении византийскими историками племенной принадлежности булгар: то они считали их скифами, то связывали с гуннами. Булгарский племенной союз охватил значительную территорию. Еще в конце V в. военные дружины булгар ходили даже во Фракию (482, 499, 502 гг.).

Распад этого могущественного племенного союза можно связать с сообщением о смерти вождя Кубрата (Кробата) и о расселении его сыновей.

Военные столкновения между племенами Северного Причерноморья заставили часть булгарских племен откочевать к северу.

¹ П. Д. Шестаков—Кто были древние болгары? ЖМНП, 1883, стр. 66—67.

² Д. Иловайский—Розыскания о начале Руси. 1882, стр. 171.

³ М. И. Артамонов—Очерки древнейшей истории хазар. 1937, стр. 11.

⁴ А. Я. Гаркави—Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. 1870, стр. 127—128 и 133.

Так могли кочевники-булгары из группы алан-сарматов появиться в Среднем Поволжье.

Появление здесь кочевников не было новым. На несколько веков раньше здесь кочевали сарматы, о чем можно судить по раскопкам могильника близ Уфы, открытого экспедицией ГАИМК под руководством П. А. Дмитриева и относящегося ко времени III—II в. до н. э.

Слишком отрывочные исторические документы, относящиеся к древней истории булгар, заставляют привлечь для освещения ряда вопросов вещественный материал камских булгар и предшествующей им эпохи.

Археологический материал булгар достаточно хорошо известен по раскопкам ряда городищ.

Изучение его дает возможность установить тесную связь между собственно булгарскими памятниками и более ранними городищами края с «рогожной» керамикой. В нижних слоях булгарских городищ находят керамику, сделанную от руки, аналогичную находимой на ранних городищах края, и керамику более северной, Ананьинской культуры. Такая зависимость наблюдается и в других вещах, в частности в украшениях. Все это заставляет видеть в материале булгарских городищ продолжение предшествующих эпох.

Генетическую зависимость можно установить также между материалом булгарских городищ и скифо-сарматской культурой, хорошо прослеживаемую, например, в орнаментике ряда вещей.

Эта преемственность в материале объясняется прежде всего тем, что сарматы издавна кочевали в области Прикамья, одним из доказательств чего является упомянутый выше сарматский могильник III—II вв. до н. э., открытый у реки Белой близ Уфы.

Сарматские могильники и в области Кубани и в Поволжье не исчезли бесследно, на юге они перешли в культуру аланских могильников типа Салтовского; их можно наблюдать также и в позднем сарматском погребении, открытом экспедицией Нижневолжского института краеведения близ деревни Зиновьевки, Саратовской области.

Эта генетическая зависимость между булгарскими археологическими памятниками и более ранними позволяет привлечь последние для уяснения некоторых вопросов ранней истории булгар. При этом, в виду фрагментарности материала, приходится расширить хронологические границы используемого материала и привлекать все памятники I тысячелетия н. э.

Археологический материал Среднего Поволжья V—IX вв. н. э. представлен двумя культурами. Одна занимает лесную и лесостепную часть области—культура городищ рогожной керамики оседлого населения, вторая—позднесарматская, простиравшаяся на всю степную часть края, представляет культуру кочевников.

К материалу городищ необходимо присоединить также могильники Армиевского типа, оставленные нам оседлым населением края. Их материал позволяет дополнить некоторые стороны истории Поволжья этого времени.

Городища добулгарской эпохи весьма однообразны. Почти во всех случаях они расположены по берегам рек, с двух сторон ограждены оврагами, а с напольной стороны защищены валом—одним или двумя. Таковы городища близ Нового починка против селения Яндашево, близ деревни Камаево, у деревни Оба-Касы, у деревни Липсеры и близ деревни Вурлуги в пределах Чувашской республики. Все городища довольно однообразны:

размером в среднем 1 200—2 800 кв. м. Конструкция укреплений одна и та же. Почти во всех случаях вал сделан из обожженной глины, причем слои ее перемешиваются с прослойками угля и дерева. Такая конструкция вала обычна для городищ Дьяковой и Городецкой культур¹. Подобные городища имеют широкое распространение в Поволжье. В окрестностях Ульяновска мы имеем ряд городищ, относящихся к этой же культуре, поскольку это возможно установить по их морфологическим признакам². Ту же картину мы встретим и южнее, в Куйбышевской области, где вся лесная полоса занята памятниками этой культуры. Как и всюду, городища занимают малодоступные места; хорошим примером этого могут служить памятники Самарской Луки³. Размеры этих городищ невелики— в среднем около 1 400 кв. м. Таковы городища на Белой горе близ селения Подгор на берегу реки Воложки; городище на горе Каменная Коза между селениями Винновское и Ермаково на берегу р. Волги; городище в местности Кирпичных сараев в 5 км от Куйбышева; городище близ селения Царевщина; городище на Лысой горе близ деревни Моркваши; городище на Вислом Камне между селениями Шелехметы и Винновка и городище близ селения Сосновый Солонец в саду совхоза. Часть этих городищ, повидимому, существовала весьма продолжительное время. Основной материал с этих городищ—керамика является характерным для данной культуры и делает возможной датировку памятников. Эта керамика представлена обломками посуды довольно крупных размеров, плоскодонных, с прямыми стенками. Глина чаще без примеси; обжиг выше среднего. Орнамент рогожный, покрывающий всю поверхность сосуда. Посуда вылеплена без выточки на гончарном круге. Вместе с керамикой этого рода встречаются небольшие сосуды в форме горшка с вертикальной, иногда слегка отогнутой шейкой, с тонкими стенками, с круглыми днищами. В глине этих сосудов заметна сильная примесь толченых раковин. Вылеплены они без гончарного круга. Обжиг сосуда сильный, цвет темно-серый. Орнамент нанесен чеканом: круглым, трехгранным, угловым и располагается одним или несколькими рядами по шейке или плечикам сосудов. По краям сквозные отверстия.

Аналогичные городища с такого же типа керамикой встречены и южнее, в районе города Хвалынского, например городища в 7 км от города Хвалынского близ ущелья Мамакрово; городище в 5 км от Хвалынского на вершине Каланечного гребня между ущельями Петрова, Арбузова и Каланечного; городище в 5 км к западу от Хвалынского близ Бухарова ущелья; городище в 6 км от города на хребте Эрастких гор между ущельями Пивикова и Трех Колодцев; городище в 6 км от города в местечке Крутец; городище в 6 км от Хвалынского на хребте Катюшины горы между ущельями Арбузова и Туманова; городище в 2 км от деревни Старой Яблонки на вершине Белой горы; городище в 4 км от Старой Яблонки на хребте Козьей горы между Горелым Долом и Проснянским и другие. Ту же картину мы встретим и в районе города Вольска, где отмечены городища на стрелке, образуемой впадением речки Верхней Малыковки в Волгу, близ деревни

¹ В. Ф. С м о л и н—Археологические разведки в Чувашской республике в 1926 г. См. «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXXIII, вып. 4, стр. 18.

² В. Н. П о л и в а н о в—Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.

³ В. В. Г о л ь м с т е н—Доисторическое прошлое Самарского края, журнал «Краеведение», 1924.

Кошели, близ с. Березянки и против озера Поганая Яма¹. Подобные городища продолжают и в Саратовской области (например Ахматское городище² близ с. Ахмата между оврагами Большим Елоховым и вторым, безыменным).

Эти городища продолжали существовать весьма долго. На них встречаются даже вещи золотоордынской эпохи. Так, например, на городище близ селения Березянки против озера Поганая Яма в верхнем слое встречены фрагменты татарской посуды, в то время как нижний слой дал вещи, обычные для ранних городищ: небольшую зернотерку, глиняные грузила и керамику с сетчатым орнаментом. Перечисленные выше городища не представляют собой какую-то новую, привнесенную со стороны культуру, а являются следствием развития местного общества. На это указывает присутствие на данных городищах нижнего слоя с архаической керамикой, приготовленной из плохо промытого глиняного теста с примесью дресвы и пресноводных раковин. Подобная керамика имеет широкое распространение в пределах Саратовской и Сталинградской областей.

К сожалению, мало мы можем сказать о характере самих городищ. И в данном случае мы можем делать выводы, лишь опираясь на аналогичный материал Дьяковой культуры, хорошему знанию которой мы обязаны научным исследованиям проф. В. А. Городцова.

Большую часть найденного на городищах материала составляет керамика. Вся она резко делится на два типа: первый тип—керамика, покрытая сетчатым орнаментом. Она представлена в большинстве сосудах крупных размеров, приготовленными из глины без примесей или же с небольшой примесью песка; высокий, но неравномерный обжиг объясняет и наличие неравномерной окраски поверхности. Второй тип дает гладкую посуду небольшого размера с плоским дном. Посуда хорошего обжига, приготовленная так же, как и первый тип, вручную, без выточки на гончарном круге. Посуда этого типа бывает украшена по верхней части или веревочным или точечным орнаментом, но необходимо отметить, что большинство обломков принадлежит гладким сосудам.

Соотношение разных типов керамики на разных городищах различно. На некоторых подавляющее количество принадлежит сетчатой керамике, а второй тип изделий, с гладкой поверхностью или украшенных веревочным или точечным орнаментом, встречен в незначительном числе. Таковы городища: близ г. Хвалынска, расположенные между Мамонтовым и Роговым ущельем; близ Хвалынска между ущельями Бухаровым и Петровым; городище, находящееся в 6 км от Хвалынска, между ущельями Пивиковым и Трех Колодцев; городище в 6 км от Хвалынска в местечке Крутец и некоторые другие.

Другие же городища содержат сетчатую керамику в меньшем количестве. Таковы: городище, расположенное в 5 км от Хвалынска, на вершине Каланечного гребня; городище близ деревни Старой Яблонки на вершине Белой горы. Наконец, есть еще одна, последняя категория городищ, на которых черепки сетчатой керамики встречаются лишь спорадически. Сюда относится городище близ деревни Старой Яблонки на хребте Белый

¹ С. А. Щеглов—Предварительные археологические разведки у селения Кошели и Березянки, Вольского уезда. «Труды Саратовской уч. арх. комиссии», 1912, № 29.

² С. А. Щеглов—Поездка на Ахматское городище. «Труды Саратовской уч. арх. комиссии», 1912, № 29.

Гребень и городище, расположенное в 2 км от Старой Яблонки на склоне Золотой горы, давшее 360 обломков гладкой посуды, 30 украшенных по оплечью резным орнаментом и ни одного обломка сетчатой керамики. Таковы городища Кузнецкого района: Неклюдовское, 1-е и 2-е Армиевские, Нижнелиговское и Труевское.

По наблюдениям, сделанным Л. А. Евтюховой над материалом Дьяковых городищ, сетчатая посуда соответствует более древним стадиям культуры и исчезает на более поздних этапах развития¹.

Эти наблюдения позволяют установить хронологию памятников, без чего использование их для исторических выводов было бы невозможно.

В результате мы получаем несколько условное деление городищ по хронологическим этапам: до нашей эры; I—V вв. н. э.; V—VIII вв.; эпоха Булгарского царства—X—XIII вв. Никакого перерыва между древними городищами сетчатой керамики и «булгарскими», как это утверждает проф. В. Гольмстен², на территории Поволжья не было.

Наряду с городищами, которые могут быть определены, как укрепленные деревни, встречаются и открытые селища. Так, они известны в районе г. Хвалынска, где Радищев открыл в лесу группу ям—землянок с культурным слоем. Отмечены они и проф. В. Гольмстеном для Куйбышевской области. Таковы: селища близ деревни Новинки, селище близ деревни Винновки на берегу оврага Ближний Крутенький, селище в 5 км от Куйбышева близ Кирпичных сараев, селище близ селения Царевщины, недалеко от Куйбышева. Эти селища представляют более раннюю стадию, предшествующую образованию городищ. Как в Дьяковой культуре, где более древние селища не были еще укреплены, переход к укрепленным деревням произошел только в последующую эпоху. Здесь решает вопрос наличие большого числа сетчатой керамики, которая характеризует более древнюю стадию культуры и позволяет определить эти культурные слои, как открытые поселки, предшествующие появлению укрепленных деревень (времени первых веков до н. э.).

Другой характер имеют селища, находящиеся в Кузнецком районе в бассейне реки Узы: там, близ селения Армиева, недалеко от могильника V в., рядом с городищами открыто экспедицией несколько селищ. На одном из них раскопками обнаружены землянки 8—9 м в диаметре. Это селище примыкает к городищу, которое имеет несколько наслоений, показывающих его долговременное существование.

Нижний слой городища содержит рогожную керамику, верхний имеет гладкую керамику, аналогичную могильной. Та же керамика обнаружена и на селище. Таким образом, поздний характер этого селища можно считать установленным. Аналогичное же селище было открыто около второго Армиевского городища.

Разобранный материал позволяет пока прийти к следующим выводам. Вначале мы имеем неукрепленные поселки. Затем появляются городища, расположенные на малодоступных местах и укрепленные в наиболее уязвимых пунктах рвом и валом—городища, являющиеся в основе укрепленными деревнями (первые века н. э.). Наконец, третий этап—расселение родовой группы по селищам и превращение прежней укрепленной деревни в городище-убежище, *refugium*. Последний этап падает приблизительно

¹ Р. А. Евтюхова—Городище у деревни Прислон. «Труды секции археологии РАНИОН», т. IV, стр. 216.

² См. «Труды Саратовской уч. арх. комиссии», вып. 31..

на время существования Армиевского могильника, т. е. приблизительно на V—VI вв. Он продолжался весьма долго, во всяком случае в болгарскую и позднее в татарскую эпоху мы встречаем этого же рода поселения. В качестве примера можно привести селище Мордова Поляна близ деревни Подгоры; селище между деревнями Выползово и Подгоры у подножья горного массива; селище близ селения Сосновый Солонец; селище близ деревни Вали; селище между деревнями Александровка и Моркваша; селище между деревнями Мордова и Кольцево на южном берегу Лерки. Из городищ-убежищ болгарской эпохи отмечу Карамлинское городище близ селения Терновая, городище на Мангихе и др.

С археологическим материалом поздних городищ теснейшим образом увязываются могильники типа Армиевского.

Таких могильников изучено несколько. Я остановлюсь на двух: Ивановском, находящемся в пределах Чувашской республики, близ селения Иваново на берегу р. Суры, исследованном П. П. Ефименко¹, и на могильнике Армиевском, расположенном близ селения Армиево, недалеко от Кузнецка в районе рек Узы и Суры. Первый могильник датируется временем III—VII вв. н. э. и в своем инвентаре обнаруживает полное сходство с могильниками Борковским, Курманским и Кузьминским. Армиевский могильник относится ко времени около V в. и так же, как и Ивановский, дает в своем инвентаре черты, сходные с рязанскими могильниками. Итак, эти два могильника—одной эпохи и одной культуры. Если мы обратимся к отдельным погребениям и постараемся их проанализировать, то прежде всего обращает на себя внимание наличие богатых и бедных погребений—факт, свидетельствующий о далеко ушедшей вперед социальной дифференциации. Большинство могил, как отмечает П. П. Ефименко, принадлежали бедным членам рода, очевидно потому, что сохранилась только окраина древнего могильника, но все же экспедиции удалось вскрыть одно погребение № 10, оказавшееся весьма богатым. Более выразителен Армиевский могильник. Наличие экономического неравенства устанавливается здесь весьма твердо. В качестве примера из числа бедных могил отмечу № 26, где были найдены только остатки костяка и гроба, или погребение № 37, где найдены только остатки глиняного сосуда. Наряду с такими бедными погребениями встречаются и весьма богатые, как, например, могила № 2.

Среди захоронений Армиевского могильника встречено два погребения воинов, № 33 и 72. По качеству могильного инвентаря их необходимо отнести к богатым. Отмечу, что погребение № 33 содержало остатки ткани с позументом. Обычно же в могилах находят только остатки полотняной ткани, грубой, редкой, и ткани шерстяной. Кроме того, эти могилы содержали военное оружие. находка мечей резко выделяет их из общего числа других могил, в которых, если и найдено оружие, то только рядовое (например стрелы и копья).

Материал могильников Армиевского и Ивановского в сочетании с материалом поселений позволяет наметить следующие основные этапы исторического развития племен Среднего Поволжья.

К началу нашей эры основным занятием населения являлось оседлое скотоводство, охота и мотыжное земледелие. О скотоводстве можно говорить на основании находок костей домашних животных: коровы, лошади,

¹ П. П. Ефименко—Средневолжская экспедиция 1926—1927 гг. «Сообщения ГАИМК», 1929, стр. 168—169.

овцы и свиньи. Примером может служить материал Хвалыньских городищ. Удельный вес охоты трудно определить, но во всяком случае наличие стрел и костей диких животных дает право говорить о развитии и этой отрасли хозяйства. Земледелие было мотыжным, на что указывает находка мукомольных плиток на городище Ахматском и близ селения Березняки. На таких плитках зерна растираются при помощи терок. Эти примитивные орудия размолота зерна соответствуют мотыжной обработке земли. Первые поселения открытого типа, как поселения близ селения Винновка на берегу оврага Ближний Крутенький, или поселения у деревни Новинок на берегу реки Воложки, дают материал, указывающий на наличие скотоводства, которое при дальнейшем развитии явилось богатством, требовавшим защиты. Появление первых укрепленных деревень-городищ, рогожной керамики и явилось прямым следствием этого.

Если мы станем реконструировать характер семьи, то с неизбежностью должны будем прийти к выводу о переходе к патриархальной форме семьи. Скотоводство и охота, являвшиеся главной основой хозяйства, находились в руках мужчин; на долю женщин падало мотыжное земледелие, которое при своем небольшом удельном весе не могло сравниться с занятиями мужчин. Уменьшение роли женщины в производственной жизни неизбежно вело к подчиненному положению женщины в семье. Патриархальная семья—последний этап развития родового общества, время, когда разделение труда в роде приводит к переходу средств производства в собственность семейных общин. Этому освоению средств производства семейными общинами должно предшествовать разделение труда внутри рода. Армиевский могильник дал среди материала металлические орудия труда и металлические украшения. Прежде всего—орудия и оружие: мечи, копья, кельты, не считая мелких вещей, как-то: стрел, удила, ножей,—все вещи, требовавшие значительного количества металла и определенной сноровки в выделке их. Бронзовые вещи, несмотря на простоту, указывают на применение литья, штамповки (например обоймы, привески конические из коллекций Армиевского могильника) или чеканки, которая применялась при нанесении орнамента на бляхи и пластинки, входившие в число украшений.

Такая сравнительно сложная техника требовала известной специализации и заставляет говорить о выделении кузнецов-литейщиков.

Развитие производительности труда шло, главным образом, по линии развития скотоводства и связанного с ним земледелия. Изменение формы поселения, замена укрепленных деревень селищами и тесно связанными с ними *refugium*'ами говорит о прогрессе в земледельческой технике, который в корне изменил отношения внутри возникающей патриархальной семьи. Если в данных условиях мотыжное земледелие, являясь подсобным в хозяйстве, до некоторой степени давало возможность женщине принимать участие в производстве, то преобладание в лесистой местности подсечной системы передало в руки мужчин и эту отрасль хозяйства, отстранив тем самым женщину от участия в производственной жизни и оставив за нею только домашнее хозяйство. Этот переход способствовал укреплению патриархального строя, укреплению власти мужчин. Появление открытых селищ, судя по материалу Армиевского городища, датируется временем V—VI вв. н. э. Во всяком случае, уже ко времени образования Булгарского государства этот край был в основе земледельческим. Таким его знают арабские путешественники. Ибн-Даст отмечает: «Булгаре—народ земледельческий и выделывают всякого рода зерновой хлеб,

как-то: пшеницу, ячмень, просо и др.»¹ То же говорит и Ибн-Фадлан—участник посольства халифа Муктадира в страну Булгар: «Главной пищей их служит просо и конина, хотя их поля с избытком дают ячмень и пшеницу»².

Переход к плужной обработке земли потребовал большого количества железных орудий—топоров и сошников. Это содействовало развитию металлургии.

Подводя итог, мы должны признать, что в середине I тысячелетия н. э. оседлые племена, занимавшие лесную часть Поволжья, уже переживали эпоху классового образования. Патриархальная семья, экономическое неравенство, военные дружины, находившиеся в лучшем экономическом положении, а в силу этого являвшиеся опорой нового института частной собственности на средства производства,—все эти явления подводят нас вплотную к классовому обществу.

Таким образом, не поддающиеся пока этническому определению оседлые племена лесной части Поволжья в середине I тысячелетия н. э. шли по пути образования государства. Но в его возникновении сыграли главную роль кочевые племена степной части Поволжья—собственно булгары.

В археологической литературе кочевники Поволжья первых веков нашей эры определяются одним общим термином «сарматы». Этот эпитет объединял разные племенные образования, включавшие в свое число и булгар. В это время сарматы переживали эпоху распада родового строя. Несмотря на кажущееся однообразие, инвентарь погребений дает право говорить о наличии экономического неравенства. В качестве примера можно привести Сусловский могильник, погребения сарматов по реке Колышлею, Аткарского района, погребения под Бугурусланом и Куйбышевым. К числу особо богатых могил можно отнести могильный комплекс близ деревни Федоровки, Бузулукского района. О сарматах можно говорить, как о кочевниках, оседавших на зимнее время, чему в качестве параллели можно привести казахов XVIII—XIX вв. Кочевое скотоводство обусловило определенный тип разделения труда между мужчиной и женщиной. Мужчина—скотовод, охотник, женщина занимается домашним хозяйством. Роль женщины в хозяйстве была ничтожна по сравнению с мужчиной, а это говорит о патриархальном строе. Женщина потеряла свое равноправное положение и превратилась в собственность мужчины. На это указывает факт захоронения ее вместе с другим имуществом мужчины в могиле умершего. Примером может служить курган № 16 Сусловского могильника, где было обнаружено два костяка, один—мужчины лет тридцати, лежавшего в вытянутом положении на спине, другой—девочки лет двенадцати, причем голова покойницы лежала на кисти правой руки мужчины. Или же погребение кургана № 46, где посреди могилы лежал костяк мужчины зрелого возраста, а слева от него, на расстоянии 18 см, в западном подбое на дне могилы—костяк женщины средних лет в вытянутом положении. Непосредственно под костяком мужчины, лежавшим на досках, оказался костяк подростка 15 лет.

Эти два примера характеризуют положение женщин, как собственности мужчины, который, кроме того, являлся собственником и рабов. Наличие патриархального рабства устанавливается по характеру погребений.

¹ А. Я. Гаркави—Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб., 1870, стр. 260—270.

² Там же, стр. 82—116.

В качестве примера приведу могилу около селения Тонкошуровка, где рядом с основным костяком найдены были кости человека, сложенные в специально изготовленной выемке рядом с погребенным покойником, или курган № 49, Сусловского могильника, где раб был похоронен в особой могиле. На черепе костяка заметно отверстие круглой формы. Вещей при костяке не было. В этом впускном погребении мы имеем факт насильственного умерщвления человека, на что указывает пробитый череп, а отсутствие вещей говорит о низком социальном положении погребенного.

Перед нами типичная картина заката родового строя. Этот процесс распада родовой организации был несколько ускорен благодаря тому, что Поволжье было втянуто в обмен: шкуры, скот и меха шли отсюда на далекий юг. Но значение этой торговли не приходится переоценивать. Импортные вещи не часты. Золотые бляшки, бусы, римские фибулы—все эти вещи очень дешевые, массового производства, и встречаются они далеко не во всех погребениях.

Этот процесс классообразования у кочевников продолжался в первые века нашей эры. Часть погребений может быть доведена до IV в. н. э.

Более поздние эпохи представлены слабо. Во всяком случае «сарматская» культура, правда, в очень фрагментированном виде, прослеживается в VII—VIII вв. н. э. В районе рек Сопры и Узы вскрыто одно «сарматское» погребение. Поздние «сарматские» погребения были исследованы Арзютовым близ г. Аткарска¹. Однако поздние погребения совсем иные. Вещи по характеру близки вещам Салтовского и Борисовского могильников. Нужно учесть, что с IV—V вв. в Поволжье появляются новые волны кочевников, которые накладывают на «сарматские» племена свой отпечаток и смешиваются с ними. История называет гуннов, которые прошли из Азии² по южной части Приволжских степей. Гунны, несомненно, в некоторой части смешались с «сарматами». Движение гуннов произвело некоторую перегруппировку среди «сарматов», нашедшую свое отражение в известиях византийских историков—Феофана и др.,—и привело к переходу булгар на Каму. В языке современных чувашей, которых связывают с древними булгарами, мы найдем немало гуннских слов³. Таким образом, смешение древних обитателей Приволжских степей—сарматов—с гуннами является несомненным.

Сравнивая материал оседлых племен, оставивших нам городища и могильники типа Армиевского, с материалом сарматской культуры, мы можем констатировать, что процесс классообразования у кочевников проходил более интенсивно, чем у оседлого населения края.

О тесном взаимоотношении оседлого населения и кочевников свидетельствует археологический материал. Часто оседлое население получало от кочевников украшения, лучшее оружие, отдавая взамен сырье; эти отношения носили далеко не мирный характер. На территории Республики немцев Поволжья был найден костяк с сарматским инвентарем; в бедре костяка оказался костяной наконечник стрелы—типичный для культуры оседлого населения.

Вещественный материал, оставленный кочевыми и оседлыми племенами времени второй половины I тысячелетия н. э., позволяет установить,

¹ «Сборник Нижневолжского краевого музея», 1932, стр. 56, прим. 2.

² К. А. Инostrа́нцев—Хунну и гунны.

³ Н. И. Ашмарин—Болгары и чувашы. «Известия общества археологии, истории и этнографии», т. XVIII, вып. 1, 2, 3, стр. 51 сл.

что феодальные отношения в Среднем Поволжье сложились и оформились на большой территории и у кочевников и (немного позднее) у оседлого населения края к IX в. н. э.

Археологический материал показывает, что в образовании Булгарского государства участвовали многие племена. К этому же выводу приводит нас и лингвистический анализ.

Различные города сложившегося Булгарского государства принадлежали первоначально разным племенам. Н. Я. Марр¹ отмечает, что «Сувар—название города—племенное название, что такое племенное название существовало при булгарах...» и далее: «Одновременно с этим становится ясным, что города Приволжья именовались по племенным названиям, как вообще у всех яфетических народов». Кочевники, которые представлены племенами, входившими, судя по памятникам материальной культуры, в комплекс сармато-алан, являлись булгарами, т. е. одним из племен, входивших в существовавший в V—VI вв. булгарский союз племен, по которому они и могли получить свое имя, дав его в свою очередь одному из городов по Волге.

Более высокая военная организация кочевников дала им перевес над оседлыми соседями, и то обстоятельство, что все государство именовалось «булгарским», показывает, что булгары подчинили себе более слабых феодалов-кочевников и феодалов, вышедших из среды оседлого населения.

Пережитки кочевого хозяйства у болгарской знати сохранялись весьма долго—и это также служит доказательством их бывшего кочевого хозяйства. Еще в X в. на лето булгары оставляли города и переходили к кочевому образу жизни. Араб Абул-Касим Эль-Балхи, автор X в., и Ибн-Хаукаль² отмечают это.

Археологический материал Поволжья дает право говорить, что в Булгарское царство вошли частично племена, связанные генетически с Ананьинской и Пьяноборской культурами, с культурой городищ рогожной керамики, и булгары-кочевники. И делается совершенно понятным, что арабские писатели давали различную характеристику языка булгар. «Язык булгар сходен с языком хазар»,—пишет Ибн-Хаукаль. Того же мнения придерживается и Эль-Балхи. Напротив, Ибн-Фадлан отмечает, что хазарский язык не похож на остальные, а Хаджи-Хальфа указывает, что язык и нравы булгар похожи на язык и нравы Руси. Эти противоречия и сбивчивые показания совершенно понятны: булгарская государственность сложилась из ряда племен.

Булгарское государство сложилось в эпоху расцвета Хазарской державы, когда складывалось Русское государство в Новгородской земле, в эпоху, к которой относится легенда о призвании варягов.

В первый период своего существования (IX в.—начало X в.) Булгарское государство представляло не единое государство, а ряд отдельных феодальных княжеств.

Об этой эпохе мы можем судить по письму хазарского царя Иосифа (в пространной редакции). «Ты еще настойчиво спрашивал меня касательно моей страны и каково протяжение моего владения. Я тебе сообщаю, что живу у реки по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. Начало этой реки обращено к востоку на протяжении четырех месяцев пути. У этой реки расположены многочисленные народы в селлах и городах, некоторые—в откры-

¹ Н. Я. Марр—Чуваши яфетиды на Волге. Чебоксары, 1921, стр. 49.

² А. Я. Гаркави—Сказания мусульманских писателей, стр. 188—216.

тых местностях, а другие—в укрепленных (стенами) городах. Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-г-р, С-в-р, С-л-вины. Каждый народ не поддается точному обследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань»¹.

В первые века нашей эры торговля Юга и Востока с Севером шла по Волге. В эпоху Сасанидов торговые связи укрепились. Естественно, что Булгар вырос в значительной мере в связи с этим, как крупный торговый центр, и совершенно естественно, что князья булгарские первые стали на путь объединения раздробленных княжеств в одно целое.

Много дало в этом отношении поражение хазар печенегами и русским князем Святославом. Это обстоятельство помогло булгарским княжествам эмансипироваться от власти хазар.

С X в. начинается интенсивная борьба булгарских князей за первенство. О такой борьбе, происходившей между двумя крупными городами—Булгаром и Суваром—можно судить по нумизматическому материалу. Из суварских монет до нас дошли: монета Наср бен-Ахмеда, чеканенная в 319 г. хиджры, затем—монеты Талиба бен-Ахмеда от 337, 338, 341, 347 гг. хиджры и монеты Мумина бен-Ахмеда от 366 и 370 гг. (одна монета чеканена в Суваре и две—в Булгарах). Этот нумизматический материал и некоторые сведения арабских путешественников дают основание для следующих выводов. Повидимому, в половине X в. произошло объединение Булгара и Суvara под властью одного хана. Восточные писатели этого времени, начиная с Эль-Балхи, и, позднее, составитель восточной географии Ибн-Хаукаль дают суммарную характеристику этих двух городов. Это объединение двух областей могло произойти в эпоху между Насром и Талибом, при отце последнего, Ахмеде. А до этого времени, во всяком случае при булгарском князе Альмаса Ибн-Шальки Балтаваре, Сувар мог представлять серьезную враждебную силу, заставившую князя Альмаса прибегнуть к помощи халифата.

После Ахмеда эти области были поделены между его сыновьями Талибом и Мумином, оставившими нам ряд монет, чеканенных в Суваре в 337, 338, 341, 347 гг. хиджры, и в Булгаре и Суваре—в 366 г. Борьба между братьями привела к войне и к потере политической самостоятельности Суваром в 976 г. н. э. Об этом и свидетельствуют монеты Мумина, чеканенные в Булгаре и Суваре в 366 г. и в Булгаре в 370 г. хиджры.

X век в истории Булгарского царства—это эпоха расцвета. Границы государства расширяются к югу. Территория Самарской Луки имеет городища, относящиеся в булгарской культуре. При расширении границ царства к югу были включены в государство области, прежде входившие в хазарский каганат. Мукадеси упоминает об одном городе в стране Булгар, который больше обоих (Булгара и Суvara) городов. Жители сперва были иудеями, а потом сделались мусульманами, когда-то отправлялись к берегу моря, но теперь возвратились в этот город². Повидимому, этот город ранее принадлежал хазарам.



¹ П. К. Кокоев—Еврейско-хазарская переписка в X в. Академия наук СССР, 1932, стр. 98—99.

² Д. А. Хвольсон—Известия Ибн-Даста. СПб, 1870.